

„Политика“ на „Place Nationale“

„За мною, кто сродни мне. Рабья жизнь не стоит мгновения мятежной воли. Я дам свои крылья — мужеству, свой гнев — решимости, силу моего полета — мысли, не ведающей трепета, мое счастье и удачу — безумию... За мною... За мною!“

Это небольшая площадь у главных ворот завода Рено. По иронии судьбы она носит название „национальной“, но к ней гораздо больше пристало бы название „интернациональной“, ибо на этой площади с раннего утра до поздней ночи бывает скопление представителей „всех племен и наречий“: алжирцы и русские, поляки и испанцы, итальянцы и китайцы, казаки и чехословаки, сербы и португальцы, калмыки и мадьяры и т. д. и т. п. На этой французской „национальной площади“ меньше всего слышится французская речь.

В зимний период сильной безработицы, когда завод Рено, являющийся „источником жизни“ большинства этого „интернационального народа“, рассчитал тысячи своих рабочих, обычно шумная жизнь муравейника-площади сильно, было, замерла; скандально-буйная rue Traversier, на которой имеются „рестораны“ многих народов Европы (но только не французского), сильно, было, пригхля; тяжелый пресс нужды придавил и успокоил многие отчаянные головы, принадлежащие различным народам, голод и холод задавили жизнь.

Но, наступила весна, пришли теплые солнечные дни. Очевидно в связи с этим и „настроение“ Рено улучшилось и он начал принимать рабочих в большом количестве, что явилось большим „праздником“ для эмигрантского люда, тяжелым, но честным физическим трудом, добывающего насущный кусок хлеба.

И затихшая, было, жизнь на „Place Nationale“ уже начинает „бить ключом“ и наверно скоро и рестораны на rue Traversier начнут бойко работать...

Сойдя с трамвая, направляюсь к заводу Рено. Его серые и мрачные, длинные, тянущиеся на несколько кварталов корпуса для многих чающих работу являются ныне каким то светлым маяком на фоне общей нужды и к нему тянутся со всех концов Парижа. В моменты хорошего „настроения“ Рено, на всем протяжении главного корпуса завода и на площади Националь толпятся всевозможные фокусники и торговцы с лотков и энергично зазывают к себе клиентов-рабочих.

Площадь-муравейник уже начинает „бурлить“. Медленно пробираюсь между толпой. Стоит группа русских и оживленно, с энергичными жестыкуляциями, беседуют. Слышу:

— Знаешь, Ваня, почему Рено стал принимать рабочих? Говорят — будет принимать 13 тыс. человек.

— Не знаю. Наверно, обычное весеннее оживление...

— Нет, брат. Тут совсем другое. Польша и Румыния дали большой заказ на тракторы и броневики. Говорят, что Рено получил заказ на 40 тыс. машин и заказ очень срочный. Вот почему так спешно и принимаются рабочие...

— Да, ну? Неужели война?

— А что же ты думаешь — на броневиках по курортам будут развезать? Конечно, война. Большевики решили внезапным военным налетом „расскассировать“ Польшу и Румынию... Вот последние, готовясь к обороне, спешно дали военный заказ...

— И на самом деле может „каша“ завариться! И не только с востока, но и с запада. Мой приятель мне рассказывал, что и патронный завод что-то усиленно заработал. А недавно из Вердена получил письмо. Оказывается, все те военные казармы, в которых мы жили, когда работали там по сбору снарядов, теперь приведены в порядок и все заполнены воинскими частями, что все пограничные крепости приводятся в порядок... Ей Богу, что то готовится...

А что же ты думал, что все эти слова о мире всего мира напрасно говорились? „Если хочешь мира — готовься к войне“. А они это переставили и делали: если хочешь войны — готовься к миру...

— А сколько машин в день выделяет Рено?

— Не знаю. Ситроен, я знаю, раньше выделял по 500 машин в день. Но у него основного капитала в пять раз больше, чем у Рено. А раз у него капитал в пять раз меньше, то наверно и машин выпускает во столько же меньше, значит, примерно, сто машин в день...

— Нет, не может быть! Наверно больше...

— А для чего это ты спрашиваешь?

— Чудак же ты! Надо же выяснить — на сколько времени хватит работы у Рено? Раз, как ты говоришь, он получил заказ на 40000 машин, а выделяет в день по 100 машин, то работы хватит на 400 дней. Больше, чем на год. Это хорошо. Только не ошибаешься ли ты — может он больше выделяет?

— Не ручаюсь, но наверно не больше 200. И тогда работы хватит на полгода...

— Значит, живем!

Иду дальше. О чем только здесь не говорят люди, собравшиеся на этой площади! Их интересует буквально все на свете. Они с одинаковой уверенностью и „знанием“ дела говорят о больших мировых событиях и о мелочах жизни, об уличных сплетнях. Здесь можно услышать беседу о „высокой мировой политике“, о том, кто собирается купить в расщорок участок земли, заняться куроводством; кто сегодня собирается идти попытать счастья в очко; кто с какой дрожью держал экзамен на звание таксиста, вплоть до того — как бы найти „порядочную“ женщину — подругу жизни...

Встречаю чехов, читающих „Чешс. слово“. — Мауцта, як се мате, — обращаюсь к ним, — стискае вам по власти? — выказываю свое „знание“ чешского языка. Они удивлены, что какой-то „шинуа“ знает чешский язык, а затем выражают такую радость, как будто встретили своих земляков. Начинаем болтать о разных пустяках. Рядом с нами идет „политический разговор“.

— Читали, Петр Семенович, об австро-германском аншлусе? Вот здорово! Все „сильные мира сего“ на всех конференциях международных безумели кричали о мире всего мира, о „духе Локарно“, а тут немцы так просто и тихонько подложили „мину“ под красивое здание Всеобщего Мира. Это я понимаю, это дело, а не красивые только слова...

— Так это же только экономическое соглашение двух родственных народов, двух соседних государств, экономические интересы коих требуют этого...

— Сказки! Это военное соглашение, крепкий союз, слияние. Это — реальная угроза миру, это первый шаг на пути к реваншу. Если бы дело обстояло иначе, то той „кутермы“ в политическом мире, о которой пишут все газеты, не происходило бы. Смотрите, как исполнились чехи, поляки, сербы... А за ними Франция. Смотрите, какая „игра“ происходит между „великими державами“: правительство „дружественной“ Франции — Англии любезно приглашает к себе в гости министров „враждебной“ ей Германии, заваривших эту малосъедобную „кашу“, а „глашатай мира“, Бриан, остается как бы в стороне... Нет, брат, здесь происходит нечто, от чего может запахнуть гарью. Происходит большая „игра“, где ставкой является благополучие народов, государств. Кто кого „об’егорит“? Во всяком случае Бриан не из таких, кого можно так легко „об’егорить“...

— Так ты говоришь, что будет война?

— Не я говорю, а происходящие события об этом кричат! Ты обрати внимание: не так давно вся мировая печать торжественно сообщила о достигнутом морском соглашении между Францией и Италией. Если это соответствовало действительности, то оно явилось бы большим событием. Для этого то даже министры гордой Великобритании приезжали уговаривать французом и итальянцев... Но что же оказалось? По крайней мере оказалось, что радость была немного преждевременной, ибо никакого соглашения пока еще нет. И те и другие уперлись на своем...

— Что же, нам не привыкать к войне. Да пожалуй без всеобщей войны нам и Родины то своей и не ви-

дать! И лучше, если это „неизбежное“ случится скорее и выяснится положение. Может быть приблизится день, когда мы снова обретем Родину.

— Думаешь?!

На одной из скамеек на площади сидят три казака. Ведут обычный разговор о приеме на работу, обмениваются местными „новостями“.

— Вот несчастный народ! — вдруг неожиданно выпаливает один из них, державший в руках газету.

— Какой народ? — удивляются собеседники.

— Да индусский! Ты подумай только — сколько время эгог самый Ганди „пассивно сопротивлялся“ и, наконец, уже было достиг своей цели, добился предварительного признания, заключил соглашение с вице-королем Индии. Надо было уже ехать на конференцию „круглого стола“, где Индия должна была получить окончательное признание своих национальных прав. Для этого, для еще большей авторитетности Ганди должен был располагать полномочием всего индусского народа. Индусский конгресс это полномочие ему дал. Но нужно было получить еще такое же полномочие от мусульманской части населения. Но тут как раз „кстати“ для англичан случился мусульманский погром: убитых тысяча, раненых еще больше. Мусульмане благим матом завопили и, вместо наделения Ганди полномочием, заявили, что они предпочитают английское владычество самостоятельной Индии под водительством индусов... Наверно, этот мусульманский погром случился не без некоторого „попустительства“ англичан...

— Чего ты разглагольствуешь об индусах, на кой черт они нам нужны! Лучше говори о делах, близких и понятных нам. Чго нового в казачьем мире?

— Да ничего! Чго может быть нового? Говорят, в мае состоится в Париже „Донской Бал“...

— Кто же его устраивает?

— Кажется Мельников и „18 донских организаций“, состоящих при нем...

— Странно! Донские организации устраивают в Париже бал, а единственная в Париже донская организация — Донская станица — в нем не участвует. Ну и дела же, нечего сказать... Неужели, кроме балов и „танцев до утра“, ничего приличного не могут придумать донские вожди? Поем и танцуем...

— Чго нового в казачьем „политическом мире“? Читал ли журнал „ВК“, где группа казаков пробирает Мельникова за ложь?

— Конечно, читал. Поневоле будешь читать журнал самостийников, когда нет ни одного другого более или менее серьезного казачьего журнала. Написан этот „протест“ горячо, хлестко, рассчитан он на горячее, буйное сердце казака, но для серьезного читателя малобудителен... Получается как то странно. Я — не самостийник, но приходится признать: бодрость, живой дух, пламенная вера в казачье будущее, свежая казачья струя, живое казачье слово, новые материалы для познания казачьей души имеются у самостийников. Во всех других, не самостийных, журналах — кроме бесконечно-нудной старой жвачки, ничего нет, нет ни одной живой мысли... Вот почему я, хотя и не самостийник, но с удовольствием читаю „ВК“. Конечно, там много такого, что меня сильно коробит — но там больше такого, что доставляет удовлетворение моему казачьему сердцу...

— А не кажется ли тебе еще более странным, что все вновь выходящие казачьи журналы проповедуют самостийность? Недавно в Париже вышел журнал „КД“ — сплошная самостийность. На днях на одном казачьем собрании распространялся журнал „КС“. Это — орган Общеказачьей Станицы окончивших ВУЗ и студентов в ЧСР. Раньше он был федералистического толка. Развернул теперь новый номер и ахнул: там самостийность развита такая, что дай Бог состязаться и „ВК“, а злополучному Мельникову достается во как!

— Объясняется это, очевидно, тем, что только став на самостийную казачью позицию можно уловить „биение пульса казачьей жизни“, обрести подлинные казачьи слова... Но разум мой не позволяет становиться на этот путь...

— Как тымотришь на теорию самостийников об особом происхождении казаков. Ведь по их писанию получается довольно стройная система о племенном происхождении казаков, соответствующая исторической действительности, логически вытекающая из тех исторических событий, какие происходили на территории Казачьих Земель.

— Утверждать или опровергать это трудно. Для этого нужно быть объективным ученым исследователем. Несомненно, что русская официальная история искавила лик казака, но также много „темных пятен“ и в системе вольных казаков. Само собою разумеется — казаки чем то сильно отличаются от русских. Конечно, казаки являются продуктом смешения крови различных народов, но там, по моему, больше крови русской. Но я твердо знаю одно: чтобы вольные казаки не делали, какие бы несомненно исторические доказательства не привели бы, все равно они не докажут ни одному русскому человеку, что казаки — особый народ. Пусть сам апостол Павел придет и скажет русским, что казаки особый народ, — не поверят! Единодушно будут кричать: распни его! Вот почему я не могу стать на их позицию. Прольется казачья кровь. Россия, какая бы она не была, не согласится на отделение Казачества. Она пойдет на него войной...

— А если большевики успеют, не то что пролить немножко казачьей крови, но и совсем физически уничтожить казаков?

— Чго делать? Мы сейчас не можем помочь этому. Не дай Бог, но если случится такой конец Казачества, то видимо, судьба его такая. Но тогда у меня будет по крайней мере совесть чиста, что я не повинен в таком страшном „конце“...

— Слабое утешение! И еще более слабая чистота совести! Вот как раз не будет совесть чистой у тех, кто, видя трагическое положение Казачества, палец о палец не ударит для спасения его... Какими то путями, средствами нужно бороться за спасение Каз-ва, за его свободу, вольность... А свобода даром не дается. Раньше казачья кровь обильно лилась за все, только не за казачью свободу. Если теперь она прольется, то прольется она за казачью свободу, но ни за что другое! Читал ли ты вчера статью Вас. Немировича-Данченко — красивую поэму, воспеваящую волю, решимость, свободу... Там есть слова: ... „Свобода покупается кровью, — и сколько бы ни пролилось ее, — все равно, — заплачено дешево“...

Шамба Балинов.

Поздравления редакции „В. К.“ с праздником Св. Пасхи*).

Скоплянская Общеказачья станица поздравляет с праздником святой Пасхи редакцию журнала „В. К.“ и его сотрудников, поднявших на завидную высоту знамя борьбы с тираниями оккупантами нашей родины Казачьи; поздравляет всех братьев вольных казаков в эмиграции, сохранивших свое национальное лицо и мысль,

несмотря на чрезвычайно тяжелое экономическое положение и на проiski и уловки врагов и ловко расставленные сети (их — врагов — союзниками) „своими“ неделимцами; братьев казаков на родине, придушенных лаптем оккупанта, братьев казаков, заключенных в тюрьмы, сосланных в разные места России и Сибири на принудительные работы за выявление национально-казачьей мысли и сопротивление победителю; гордых сынов Вольного Казачества, ушедших от власти чужака в горы, леса и плавни — ковать лучшую долю Казачества, ценой крови и жизни отстаивать свое нацио-

* Из за недостатка места, ред. не имеет возможности поместить всех полученных ею к дню Св. Хр. Воскресения приветствий. Надеемся, что приславшие сетовать за это на нас не будут.